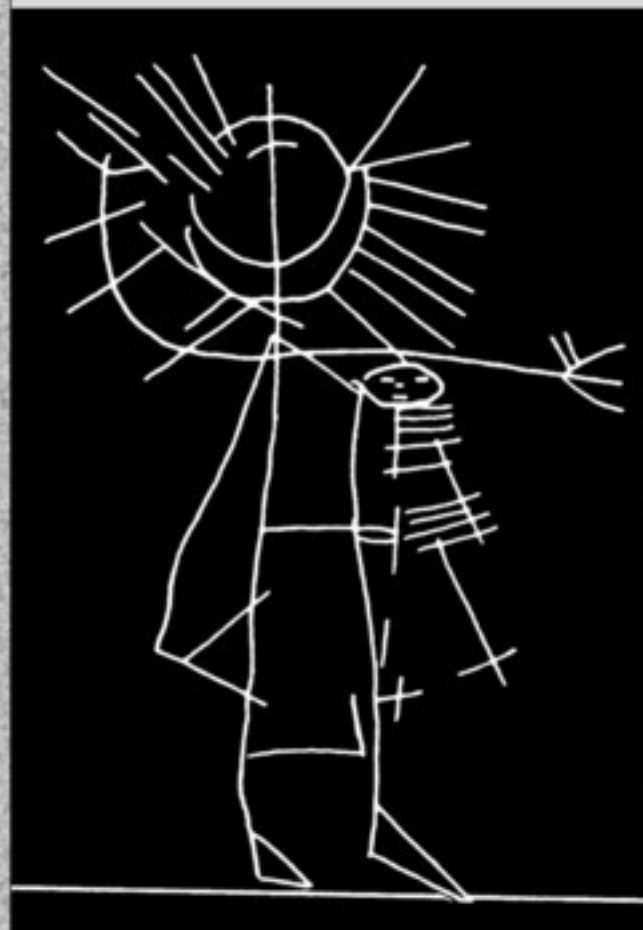

**МНОГОМЕРНЫЙ
ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА**
НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ
ЕДИНОЙ НАУКИ
О ЧЕЛОВЕКЕ

Коллектив авторов

**Многомерный образ
человека: на пути к созданию
единой науки о человеке**

«Прогресс-Традиция»

Коллектив авторов

Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / Коллектив авторов — «Прогресс-Традиция»,

Авторы настоящей книги продолжают реализацию того проекта, начало которому было положено изданием книги «Многомерный образ человека» (М., «Наука», 2001). Нынешнее издание – своего рода отчет о том, что было сделано в Институте человека РАН за 2001–2004 гг., вплоть до его ликвидации по решению руководства РАН. В книге предпринимается попытка представить целостный образ человека средствами как философии, так и частных наук. Рассматриваются возможности становления единой науки о человеке, многообразные современные достижения, способствующие этому процессу. Для философов, биологов, антропологов и всех интересующихся комплексным изучением человека.

Содержание

Введение	5
I. Новые тенденции в науке о человеке: проблемы, поиски и решения	7
ОТ УТОПИИ К НАУКЕ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА	7
1. Утопия сегодня	7
2. Возобновление истории?	9
3. Конструирование человека	17
НА ПУТИ К ЕДИНОЙ НАУКЕ О ЧЕЛОВЕКЕ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Б.Г. Юдин, В.Г. Борзенков, С.М. Малков

Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке

Введение

Авторы настоящей книги продолжают реализацию того проекта, начало которому было положено изданием книги «Многомерный образ человека» (М., «Наука», 2001).

Это издание – своего рода отчет о том, что было сделано в Институте человека за 2001–2004 гг., вплоть до его ликвидации по решению руководства РАН. Как известно, замысел организатора и первого директора института – академика Ивана Тимофеевича Фролова – состоял в том, что сам Институт должен быть достаточно компактным с точки зрения штата научных сотрудников, но при этом выступать инициатором междисциплинарных, комплексных исследовательских проектов, посвященных проблематике человека. Такой подход нашел свое выражение в составе авторского коллектива этой книги: наряду с сотрудниками Института человека в него вошло немало ведущих исследователей, представляющих самые разные области естественных и гуманитарных наук. Объединяет же их интерес к широкому кругу проблем, возникающих сегодня в связи с изучением человека, – проблем, которые, безусловно, становятся лейтмотивом научного познания в XXI столетии.

В немалой степени это обусловлено тем, что современная наука продуцирует обширные массивы новых знаний о человеке, далеко не всегда согласующиеся между собой и нередко заставляющие переосмысливать наши традиционные представления о нем. Но, пожалуй, еще важнее другое: нынешний научно-технический прогресс во множестве порождает все новые технологии (включая социальные), которые оказывают глубокое воздействие на условия существования человека в мире, да и на него самого. Более того, сам человек все чаще выступает в качестве, если угодно, мишени для таких направленных технологических воздействий. Тем самым, с одной стороны, неуклонно расширяется спектр возможностей, которые открываются перед человеком, позволяя ему развивать и полнее реализовывать собственный потенциал. С другой стороны, однако, человеку приходится сталкиваться и с теми опасностями и факторами риска, которыми чреватые новейшие технологии.

А это значит, что предметом комплексного человекознания как широкого междисциплинарного направления исследований в первую очередь становится осмысление места человека в нынешнем быстро меняющемся мире. Такая задача, однако, по самой своей сути не может получить окончательного решения. Напротив, по мере того как в нашу жизнь будут входить такие «человекоориентированные» технологии, источниками которых сегодня являются прежде всего биомедицина и информатика, нам снова и снова надо будет возвращаться к уже найденным решениям и зачастую корректировать и пересматривать их. Ведь возрастание возможностей человека, мощи средств, оказывающихся в его руках, ведет к тому, что и наш мир, и наше будущее во все большей мере определяются нашими же собственными решениями и действиями.

Еще одна идея И.Т. Фролова заключалась в том, что Институт человека должен быть составной частью комплекса, включающего также и журнал «Человек». И действительно, многие из представленных в этой книге материалов – речь идет, в том числе, о тексте «Круглого стола» относительно возможности единой науки о человеке – были подготовлены благодаря сотрудничеству института и журнала. Некоторые из публикуемых здесь статей также впервые увидели свет на страницах журнала «Человек».

И наконец, необходимо отметить следующее обстоятельство. Книга ни в коей мере не претендует на то, чтобы охватить всю проблематику исследований, проводившихся в Институте человека. За время своего существования он выпустил немало научных изданий, встретивших самый заинтересованный отклик научной общественности. В данной же книге в основном представлены материалы тех докладов и дискуссий, которые имели место в рамках институтского методологического семинара с тем же названием – «Многомерный образ человека». А это значит, что центральная роль на страницах книги, как и в работе семинара, отведена *методологическим проблемам* современного человекознания. Основную идейно-организационную работу по проведению семинара, как и по подготовке издания, проводили доктор философских наук, профессор В.Г. Борзенков (руководитель семинара) и научный сотрудник Института человека (а ныне – Института философии РАН) С. М. Малков – ученый секретарь семинара.

Безусловно, закрытие Института человека затруднит – и в этом мы уже смогли убедиться за время, прошедшее с момента его ликвидации, – разработку проблематики, теоретическая и практическая значимость которой, вне всяких сомнений, будет только возрастать. Тем не менее исследователи, работавшие ранее в институте, а теперь ставшие сотрудниками Отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, ни в коей мере не собираются опускать руки. Работа семинара «Многомерный образ человека» продолжается, и мы рассчитываем, что данная книга будет далеко не последней в серии изданий, посвященных этой тематике.

Хотелось бы высказать самые теплые слова по адресу всех сотрудничавших с Институтом человека и участвовавших в работе семинара, а также и намного более широкого круга тех, кто так или иначе поддерживал наш институт. Наше сотрудничество, конечно же, будет продолжаться!

Б.Г. Юдин,

член-кор. РАН, зав. отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек»

I. Новые тенденции в науке о человеке: проблемы, поиски и решения

ОТ УТОПИИ К НАУКЕ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА *Б.Г. Юдин*

1. Утопия сегодня

Споры о ведущей роли природы (или наследственности, или генов) либо общества (соответственно среды или воспитания) в формировании человеческих качеств ведутся очень давно. Нередко отмечается маятниковый характер смены представлений о том, чем именно определяются эти качества. Действительно, несколько десятилетий назад едва ли не подавляющим было преобладание представлений, в которых ключевая роль отводилась социальным факторам; сегодня же значительно более популярны воззрения тех, кто считает решающим влияние наследственности (генов). Разумеется, в качестве основания для такого изменения взглядов обычно называют колоссальные достижения молекулярной биологии, и прежде всего – проводимые на молекулярном уровне исследования по генетике человека. На мой взгляд, однако, сами по себе эти достижения – сколь бы впечатляющими они ни были – являются лишь одним из факторов, обуславливающих такое «переключение гештальта», в результате которого именно генетическим, а не социальным детерминантам стала отводиться ключевая роль при объяснении природы человека и его поведения. Ведь и сам этот бурный прогресс биологических наук в существенной степени обусловлен сдвигами социально-культурного порядка.

С одной стороны, исследования в области генетики человека стали несомненным приоритетом не только для современной науки, но и для современного общества (там, где оно вообще хочет и может поддерживать науку). С другой стороны, более высокое доверие к биологическим трактовкам природы человека в противовес трактовкам социологическим или наоборот – это в конечном счете выбор, который делают сами люди и общество.

Здесь уместно будет провести такую аналогию. Предпочтение биологического либо социологического истолкования природы человека можно сопоставить с предпочтением различных объяснений этих перемен в общественных устроениях. Одно из таких объяснений ставит во главу угла прямое восприятие обществом научных достижений – как если бы общество было непосредственным реципиентом той весьма специализированной интеллектуальной продукции, которую поставляет ему наука. Другое же объяснение акцентирует роль социально-культурных факторов, которые не просто опосредуют передачу обществу этой интеллектуальной продукции, но и сами в значительной мере определяют те зоны текущего производства новых научных знаний и технологий, которые привлекают повышенный интерес со стороны общества. Обращение к этим факторам, между прочим, позволяет обнаружить немало весьма значимых особенностей и нюансов нынешнего массового «обращения в генетическую веру».

Возьмем только один пример. Зоолог и этолог Франс де Ваал пишет о том, что сегодня противопоставлению природы и воспитания приходит конец¹. Он вспоминает, что, когда в 70-

¹ *Frans B.M. de Waal. The End of Nature versus Nurture. – «Scientific American», December 1999. P. 94–99.*

е годы в своих публичных лекциях он рассказывал о сексуально обусловленных различиях в поведении шимпанзе, в частности о том, что самцы более агрессивны и более амбициозны, чем самки, ему приходилось сталкиваться со взрывами протеста². Его обвиняли и в проекции своих ценностей на поведение животных, и в недостаточной строгости его методов, и в других грехах.

Сегодня же, по его словам, подобную информацию повторяют столь широко и часто, что она нагоняет на слушателей зевоту.

Казалось бы, сторонники биологических объяснений могут праздновать победу, однако де Ваала это отнюдь не устраивает. «Мы ничуть не приблизились к рациональному пониманию взаимодействия генов и среды, – пишет он. – Общество позволило маятнику беспорядочно качнуться назад от воспитания к природе, оставив в недоумении многих обществоведов. Тем не менее мы до сих пор любим выражать все в терминах влияния либо того, либо другого, а не того и другого вместе»³.

И далее автор говорит о необоснованности и даже опасности такого рода противопоставлений. Он считает, что современные исследования все более определенно показывают взаимопереплетение биологических и социальных детерминант. Вследствие этого, надеется он, в будущем «столь популярные сегодня дихотомии ослабеют вплоть до того, что от них можно будет отказаться. Вместо того чтобы видеть в культуре антитезу природе, мы придем к более глубокому пониманию человеческого поведения, потихоньку проводив в могилу старый спор о примате природы либо воспитания»⁴.

Вполне можно было бы согласиться с аргументацией и выводом Ф. де Ваала, если бы не одно обстоятельство. Он ведь далеко не первый, кто предлагает похоронить противопоставление природы и воспитания. Подобные суждения, и вполне аргументированные, опиравшиеся на авторитет новейших научных достижений соответствующего времени, высказывались едва ли не на всех стадиях этого векового спора. Но, как оказывается, до сих пор это не мешало продолжению противоборства – видимо, его питают далеко не одни лишь научные доводы, но и нечто коренящееся в жизни общества и в его культуре.

Тем не менее в наши дни это противостояние разыгрывается во многом по-новому. С целью проиллюстрировать это обратимся к миру утопии. В нем, как и везде, сегодня происходят кардинальные перемены. Время социальных утопий, видимо, уходит в прошлое. Одной из главных причин этого, на мой взгляд, является то, что утратил актуальность сам *замысел* построения *идеального социального порядка*. Он представляется ныне не только недостижимым, но и не особенно привлекательным. Ключевую роль в его развенчании сыграли антиутопии XX века – как художественные вымыслы (или прозрения) Евг. Замятина, А. Платонова, Дж. Оруэлла, О. Хаксли и других авторов, так и те, не менее жуткие, которыми обернулась практическая реализация некоторых утопических проектов. Поэтому наши искушенные современники бывают не очень-то склонны уповать на социальный порядок – к нему, как правило, предъявляются минимальные требования: только бы не мешал жить.

Сам же импульс, питающий утопическое мышление, отнюдь не иссяк. Теперь оно прорастает на иной почве – *место социальных утопий занимают утопии индивидуальные*. Речь, конечно же, идет не о проектах создания идеального человека – таковые всегда были главной составной частью социальных утопий. Объектом же индивидуальных утопий является

² Одну из своих книг он назвал «Политика шимпанзе»: *Frans B.M. de Waal. Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. В ней описывается, в частности, борьба за статус, которую он наблюдал в колонии шимпанзе, живущей в неволе. Самцы шимпанзе образовывали коалиции, плели интриги и предавали друг друга. Они отчетливо демонстрировали эмоции, напоминающие гордость и ярость, в зависимости от того, признавался или нет их ранг в колонии их собратьями.

³ *Frans B.M. de Waal. The End of Nature versus Nurture*, p. 96.

⁴ *Ibid.*, p. 99.

будущее самого «утопающего», его детей, вообще близких, а то и копий, получать которые можно будет путем клонирования. В пространственном отношении такая утопия ограничивается близким окружением, оказывается локальной. Вожелания же направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная, долгая (в пределе, и сегодня уже отнюдь не только абстрактно мыслимом – бесконечная) жизнь. Такого рода проекты, ориентирующиеся на достижения (чаще чаемые, чем реальные) генетики, именуют «приватной», «семейной», «домашней» евгеникой.

Ориентиром и мерой прогресса при этом выступает непрестанное, в идеале даже безграничное, расширение индивидуальных возможностей человека. Что касается средств, которые предполагается использовать для реализации этих упований, то основные надежды теперь возлагаются отнюдь не на социальные преобразования, а на достижения науки и технологии. Действительно, неисчерпаемым источником, питающим утопическое мышление наших дней, являются биологические науки, и прежде всего – генетика. Они выступают в этой роли вовсе не впервые, но в контексте современного утопизма их роль, как мы увидим в дальнейшем, оказывается весьма своеобразной. И, что характерно, при этом вовсе не имеется в виду то взаимодействие, взаимопереплетение биологической и социальной детерминации, о котором говорит де Ваал.

Сказанное никоим образом не означает, что биологические трактовки человека достигли абсолютного господства. Скорее, нынешнюю ситуацию можно охарактеризовать как очередной этап противостояния, конкуренции двух программ – биологической и социальной. Да, биологическая программа, безусловно, превалирует, однако и социальная программа, претерпевая во многом те же трансформации, что и биологическая, обретает новые возможности для своего развития и практического воплощения.

Эти вкратце обрисованные трансформации являются, на мой взгляд, лишь одним, хотя и весьма характерным, выражением глубоких и далеко не в полной мере осознаваемых нами сдвигов в направлениях и приоритетах нынешнего научно-технического развития. В первую очередь это касается таких областей, как биомедицинские и компьютерные технологии. Яркой иллюстрацией сказанного представляется тематика, к которой ныне обратился автор одной весьма нашумевшей в начале 90-х годов концепции.

2. Возобновление истории?

В своей недавней книге⁵ Фрэнсис Фукуяма соглашается с теми своими оппонентами, которые оспаривали идею «конца истории». И причина такого изменения позиции – вовсе не события 11 сентября 2001 года. Он не склонен интерпретировать атаку террористов в духе «столкновения цивилизаций» – западной и исламской – по С. Хантингтону. «Я считаю, – пишет Фукуяма, – что эти события вовсе не были проявлением чего-либо подобного и что исламский радикализм, стоящий за этими событиями, есть всего лишь отчаянная арьергардная акция, которая со временем будет подавлена более широкой волной модернизации» (р. XII).

Основанием же для того, чтобы не просто отрицать конец истории, но и, более того, говорить о ее *возобновлении*, является, с точки зрения Фукуямы, происходящая ныне биотехнологическая революция и те вызовы, которые она ставит перед человеком, перед обществом, перед политикой. Эта революция – не просто нарушение или ускорение размеренного хода событий; она приводит к тому, что будущее человечества вовсе не является предопределенным, как то

⁵ F. Fukuyama. «Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution» Farrar, Straus and Giroux, N.Y., 2002. Далее сноски на эту книгу будут приводиться в самом тексте.

утверждалось в концепции «конца истории». Напротив, оно оказывается открытым, в решающей мере зависящим от наших нынешних решений и действий.

Сценарии «постчеловеческого будущего», которые рисует Фукуяма, выглядят довольно мрачными; при этом некоторые из тенденций такого развития событий уже реализуются. Пути же в это постчеловеческое будущее как раз и прокладывает биотехнологическая революция. Человечество, впрочем, может избежать такого будущего, но для этого ему надлежит прилагать специальные усилия, целенаправленные и скоординированные.

Исходное представление о постчеловеческом обществе автор очерчивает путем сопоставления двух популярнейших антиутопий – «1984» Дж. Оруэлла и «Прекрасный новый мир» О. Хаксли. Обе они, по мнению Фукуямы, предвосхитили две большие технологические революции: базисом первой антиутопии являются информационные, а второй – биологические технологии. Но если технологические предвидения оказались довольно точными в обоих произведениях, то в политическом отношении предвидения Дж. Оруэлла безнадежно уступают тем, которые были сделаны О. Хаксли.

В целом различные модели «жесткого» тоталитаризма, который живописал Оруэлл, ненадолго пережили установленную им сакраментальную дату – 1984 год. В то же время технологические возможности, многие из которых уже 70 лет назад предвидел Хаксли, такие, как оплодотворение в пробирке, суррогатное материнство, психотропные лекарства и т. п., в ходе их все более расширяющегося применения заложили основы для более «мягких», однако и более основательных, глубинных способов воздействия на человека.

Как писал в этой связи в 1946 году сам Хаксли, его интересовали в романе «лишь те научные успехи, те будущие изыскания в сфере биологии, физиологии и психологии», результаты которых могут быть непосредственно применены к людям. И далее: «Жизнь может быть радикально изменена в своем качестве только с помощью наук о жизни. Науки же о материи, употребленные определенным образом, способны уничтожить жизнь либо сделать ее донельзя сложной и тягостной; но только лишь как инструменты в руках биологов и психологов могут они видоизменить естественные формы и проявления жизни»⁶.

В противоположность «1984», в «Прекрасном новом мире», как отмечает Фукуяма, «зло не столь очевидно, поскольку никто не страдает; действительно, в этом мире каждый получает то, что он хочет... В этом мире нет болезней и социальных конфликтов, нет депрессий, душевных расстройств, одиночества или эмоционального страдания, секс всегда качественный и легко доступный» (р. 5). Но хотя люди в «Дивном новом мире» здоровы и счастливы, они, продолжает Фукуяма, перестают быть *человеческими существами*. Они больше не борются, у них нет желаний, любви, они не чувствуют боли, не встречаются с ситуациями сложного морального выбора, у них нет семей, и вообще они не делают ничего из того, что мы традиционно связываем с человеческим существованием.

«Прекрасный новый мир», таким образом, – это вовсе не грубое насилие над человеческой природой. Это радикальное ее преобразование, которое можно интерпретировать даже как полный отказ от нее во имя чего-то другого.

«Цель моей книги, – пишет в этой связи Фукуяма, – показать, что Хаксли был прав, что самая существенная угроза, исходящая от современной биотехнологии, – это возможность того, что она изменит природу человека и, таким образом, приведет нас в «постчеловеческую» стадию истории. Это важно, по-моему, потому, что природа человека существует, что это – осмысленное понятие, что она обеспечивает устойчивую непрерывность нашего существования как вида. Именно она совместно с религией определяет наши самые фундаментальные ценности. Природа человека формирует и ограничивает возможные виды политических режимов, так что если какая-либо технология окажется достаточно могущественной, чтобы пере-

⁶ Хаксли О. О дивный новый мир // Утопия и антиутопия XX века. М.: Прогресс, 1990. С. 300.

формировать нас, то это будет, видимо, иметь пагубные последствия для либеральной демократии и для природы самой политики» (р. 7).

Сегодняшнее развитие науки и техники открывает такие возможности реализации утопий, которые были недоступны во времена Хаксли и Оруэлла. «Если, – пишет Фукуяма, – оглянуться на средства, которые использовали социальные инженеры и планировщики утопий прошлого столетия, они представляются невероятно грубыми и *ненаучными* (курсив мой. – Б.Ю.). Агитпроп, трудовые лагеря, перевоспитание, фрейдизм, выработка рефлексов в раннем детстве, бихевиоризм – все это было похоже на то, как если бы квадратный стержень природы человека пытались забивать в круглое отверстие социального планирования. Ни один из этих методов не опирался на знание нейрнной структуры или биохимической основы мозга; ни у кого не было понимания генетических источников поведения, а если и было, то его нельзя было применить для воздействия на них» (р. 15).

По правде говоря, сам по себе недостаток научных знаний редко ограничивает утопическо-конструкторскую мысль, и едва ли изобретатели и пользователи перечисленных Фукуямой методов воспринимали такой дефицит как серьезное препятствие. Напротив, как я уже отмечал в начале статьи, каждый из этих методов считался, а в известной мере и был, воплощением самых последних достижений научного гения, которые тогда было попросту невозможно оценивать и критиковать с наших сегодняшних позиций. Вместе с тем не стоит переоценивать научную обоснованность и сегодняшних, безусловно намного более тонких, технологий воздействия на человека. Вполне вероятно, что через полстолетия и они будут восприниматься как ужасно грубые, неэффективные и малонаучные. На мой взгляд, различия между утопизмом тогдашним и нынешним лежат совсем в другой плоскости.

Обращаясь к вопросу о том, насколько реальны опасности, порождаемые современной биотехнологией, Фукуяма рассуждает следующим образом. Возможно, замечает он, со временем мы обнаружим, что последствия биотехнологии исключительно благоприятны и что зря мы из-за них теряли свой спокойный сон. Возможно также, что биотехнология окажется не столь могущественной, как это представляется сегодня, или что люди проявят достаточную умеренность и осторожность в обращении с нею. Но эти оптимистические ожидания подрывает то обстоятельство, что, в отличие от многих других научных достижений, биотехнология создает неразделимую смесь очевидных благ и трудноуловимого вреда. «Во многих случаях, – отмечает Фукуяма, – медицинские технологии предлагают нам сделки с дьяволом: более продолжительная жизнь, но с пониженными умственными способностями; освобождение от депрессии с одновременным освобождением от творчества и от духовной жизни; лечение, которое размывает грань между тем, чего мы достигаем сами по себе, и тем, чего мы добиваемся за счет воздействия на наш мозг различных химикатов» (р. 8).

На мой взгляд, такое противопоставление биологических и медицинских технологий всем другим является излишне резким. Практически в любой новой технологии, предлагаемой для практического использования, поскольку с ней так или иначе придется взаимодействовать человеку, можно выделить как позитивные, так и негативные стороны. Более того, специальный междисциплинарный комплексный анализ *любой новой технологии*, направленный на выявление этих позитивных и негативных сторон, на оценку связанного с ней риска и управление им, который можно назвать *гуманитарной экспертизой*⁷, представляется сегодня чрезвычайно актуальной и совершенно необходимой формой оценки технологий. И все же нельзя не признать того, что именно биомедицинские технологии несут в себе особый, самый непосредственный, если так можно выразиться, интимный риск для человека, поскольку ими определяются возможности самых радикальных модификаций его телесного и психического существования.

⁷ См., напр.: Ашмарин И., Юдин Б. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3. С. 76–85.

* * *

Фукуяма описывает четыре биотехнологических пути, ведущих в постчеловеческое будущее. Это расширение знаний о мозге и биологических основах человеческого поведения; нейрофармакология и манипулирование эмоциями и поведением; продление жизни; генетическая инженерия.

Рассматривая науки о мозге, Фукуяма дает характеристику того, что он называет биотехнологической революцией. Она отнюдь не сводится к тому, что происходит в области генетической инженерии; более того, возможно, для того, чтобы попасть в постчеловеческое будущее, нам вовсе не придется ждать ее грандиозных успехов. «То, что мы переживаем сегодня, – пишет Фукуяма, – это не просто технологическая революция в нашей способности декодировать ДНК и манипулировать ею, а революция в основополагающей науке – биологии. Эта научная революция опирается на открытия и достижения в ряде взаимосвязанных областей помимо молекулярной биологии, включая когнитивные науки о нейронных структурах мозга, популяционную генетику, генетику поведения, психологию, антропологию, эволюционную биологию и нейрофармакологию». (р. 19).

В течение большей части XX века, констатирует Фукуяма, в естественных, а особенно в социальных науках, по большей части подчеркивали культурную, а не природную детерминацию поведения. Однако сегодня многие, напротив, говорят о ведущей роли генетических причин (при описании этого сдвига Фукуяма также прибегает к метафоре маятника). Этот сдвиг в воззрениях ученых находит отражение и в СМИ, которые широко обсуждают «гены, ответственные за.» все – от интеллекта до излишнего веса и агрессивного поведения. Популярной темой стала генетическая детерминация работы мозга в том, что касается не только интеллекта, но и преступного поведения, сексуальных ориентаций и т. п. Конечно, в каждом случае можно дискутировать об относительном весе генетических и социальных причин, но само существование генетического фактора делает обсуждение этих черт поведения крайне противоречивым, поскольку оно означает, что возможности моральной регуляции весьма ограничены.

Важно, однако, то, отмечает Фукуяма, что «научное знание о причинах неизбежно ведет к технологическим поискам путей манипулирования этими причинами. Например, «обнаружение биологических коррелятов гомосексуальности – пренатальных андрогенов, характерной нейроанатомии или гена гомосексуальности, лежащего в основе этих андрогенов, – открывает возможность найти некогда «лечение» от гомосексуальности» (р. 39).

И далее автор предлагает такой мысленный эксперимент: допустим, через двадцать лет мы станем хорошо понимать генетику гомосексуальности и откроем для родителей возможность резко снизить вероятность того, что у них родится гомосексуальный ребенок. Для этого не обязательно прибегать к генетической инженерии – хватит и таблетки, обеспечивающей достаточный уровень тестостерона в утробе матери для того, чтобы маскулинировать мозг развивающегося зародыша. Пусть такое лечение будет дешевым, эффективным, безопасным и будет назначаться с сохранением врачебной тайны. Допустим, далее, что социальные нормы станут абсолютно терпимыми по отношению к гомосексуалам. Многие ли из будущих матерей выберут тогда такое лечение? Фукуяма полагает, что очень многие, включая даже тех, кого возмущает дискриминация против гомосексуалистов.

Гомосексуальность при этом станет восприниматься как нечто подобное плешивости или низкому росту – пусть и морально непредосудительное, но тем не менее то, от чего собственных детей лучше бы избавить. А это приведет к тому, что вскоре гомосексуалисты вновь станут подвергаться дискриминации, и даже более жестокой, чем прежде. В основе этой дискриминации будет лежать «домашняя евгеника», осуществляемая посредством актов свободного выбора, который делают родители.

К аналогичным последствиям может привести и расширение наших знаний о тех структурах мозга, которые ответственны за интеллектуальные способности или за антисоциальное поведение. Общим для всех этих ситуаций является прежде всего то, что всякий раз мы не можем с определенностью сказать, имеем ли мы дело с терапевтическим вмешательством, то есть предотвращением или лечением какого-то заболевания, либо – с воздействием, цель которого – получить ребенка с улучшенными (по сравнению с тем, что он получает генетически) свойствами. И такая неопределенность, обусловленная тем, что очень часто мы не можем однозначно разделить болезнь и здоровье, характерна для многих современных биомедицинских технологий⁸.

* * *

Следующий маршрут в постчеловеческое будущее, который обозначает Фукуяма, – это нейрофармакологический контроль поведения. Представляется, что из всех описанных Фукуямой путей именно этот ближе всего подводит нас к постчеловеческому будущему. В основном речь идет о двух чрезвычайно популярных в США препаратах – прозаке и риталине; но весьма интересен и анализ тех социальных сил и интересов, которые обеспечивают и подстегивают эту популярность.

Действие прозака основано на том, что он повышает уровень серотонина в мозге; серотонин – это нейротрансмиттер, соединение, контролирующее передачу нервных импульсов. Уровень серотонина непосредственно воздействует на наши эмоциональные состояния, такие, как чувство благополучия, самооценка, страх и т. п. Низкий уровень серотонина ассоциируется со слабым контролем импульсов, несдерживаемой и неоправданной агрессивностью, депрессией и склонностью к суициду. Было показано, между прочим, что обезьяны, обладающие низким статусом среди себе подобных, имеют и низкие уровни серотонина; напротив, у обезьян, которые занимали доминирующие позиции, отмечалось высокое содержание серотонина⁹.

Фукуяма характеризует прозак и сходные препараты как главное культурное явление конца XX века; он упоминает книги-бестселлеры, которые прославляют прозак как удивительное лекарство, чудесным образом изменяющее личность. Сегодня прозак и сходные препараты принимают около 28 млн. американцев, или 10 % населения.

Вместе с тем выходит немало публикаций, направленных против прозака. В них говорится о побочных эффектах этого средства, таких, как прибавление веса, уродливые судороги, потеря памяти и многое другое, о чем умалчивают его производители. Вполне возможно, что на смену прозаку придут новые, более безопасные препараты, а сам прозак из-за этих побочных эффектов перестанет восприниматься как чудо-лекарство. Но, отмечает Фукуяма, более трудная политическая и моральная проблема возникнет в том случае, если окажется, что прозак или какая-либо его усовершенствованная модификация окажутся безвредными. Ведь прозак оказывает воздействие на такие ключевые для психологии человека эмоции, как самоуважение и самооценка.

Общепринятый и морально одобряемый путь повысить самооценку всегда был таков: бороться с собой и с другими, упорно работать, безропотно переносить болезненные жертвы с тем, чтобы в конце концов возвыситься и увидеть, что ты добился своего. Но с появлением препаратов, подобных прозаку, фармацевтическая индустрия может поставлять более высокий уровень самооценки в бутылках, просто повышая уровень серотонина в мозгу. «Понятно, –

⁸ Этой теме – различению между лечением и совершенствованием, улучшением человека – посвящен один из (апрель 2002 г.) докладов, подготовленных Президентским советом по биоэтике США. См.: *Distinguishing Therapy and Enhancement*. Staff Working Paper, (<http://www.bioethics.gov/>) «Счастливые души: биотехнология и погоня за совершенством».

⁹ Robert H. Frank. *Choosing the Right Pond: Human Behavior and the Quest for Status*. Oxford, Oxford University Press, 1985. P. 21–25.

пишет Фукуяма, – что в мире существуют миллионы людей, у которых депрессия носит клинический характер, а уровень самооценки находится намного ниже должного. Для них прозак и сходные лекарства стали настоящей находкой. Но низкий уровень серотонина не является определенным показателем патологического состояния; существование же прозака открывает путь для того, что Крамер (один из наиболее ревностных пропагандистов прозака. – Б.Ю.) удачно назвал косметической фармакологией, когда лекарство употребляется не из-за его терапевтической ценности, а просто для того, чтобы «почувствовать себя еще лучше» (р. 46). Прозак, таким образом, может использоваться как своего рода таблетка счастья, что весьма похоже на сому из «Прекрасного нового мира» Хаксли.

Другой препарат – риталин – применяется для лечения синдрома, известного как «дефицит внимания – гиперактивность». Это «расстройство» распространено у маленьких мальчиков, которым бывает трудно тихо сидеть в школьном классе. С 1980 года этот синдром фигурирует в официальном перечне психических расстройств, составляемом Американской психиатрической ассоциацией. Между тем, несмотря на десятилетия исследований, причины его не установлены, и диагностируется он только по весьма субъективно определяемым симптомам, таким, как затрудненная концентрация и гиперактивность моторных функций. По некоторым оценкам, ту или иную форму этого расстройства можно обнаружить у 15 млн. жителей США – а это значит, что страна переживает эпидемию ошеломляющих размеров. Здесь, как нетрудно заметить, мы сталкиваемся с феноменом *медикализации*, когда болезненными начинают считаться состояния, которые вполне допустимо интерпретировать как флуктуации, находящиеся в пределах нормального распределения.

Между тем последствия такой медикализации на личностном уровне далеко не безобидны. Те, кто считает себя больным этим расстройством, часто впадают в отчаяние, полагая, что их неспособность концентрироваться обусловлена не слабостью характера или отсутствием воли, а нервным заболеванием. Тем самым они получают возможность снять с себя ответственность за собственные действия.

По сути дела, риталин выступает как медикаментозное средство социального контроля за поведением детей. Оно, видимо, может оказаться намного более эффективным, чем ранняя социализация или терапия фрейдистского толка¹⁰. Между тем вопросы о возможных отдаленных последствиях такого широкого применения этих препаратов, о том, как оно будет сказываться на привычном для нас понимании личностной идентичности и морального поведения, пока что не привлекают сколько-нибудь заметного внимания.

Весьма интересно и описание социальных механизмов такой медикализации. В ее основе – совпадение самых разных интересов. Прежде всего это простое своекорыстие родителей и учителей, которые не хотят тратить время и силы на то, чтобы дисциплинировать, отвлекать, забавлять или воспитывать трудных детей старомодными способами.

Другая влиятельная группа поддержки – это фарминдустрия, в частности компании, производящие риталин и родственные ему препараты. Среди них особенно известна фирма «Новартис», которая в 1995 году была уличена в том, что пожертвовала 900 тыс. долларов организации, объединяющей родителей, у детей которых диагностирован синдром гиперактивности.

Прозак и риталин, утверждает Фукуяма, – это лишь первые представители нейрофармакологической волны биотехнологической революции, первое поколение психотропных препаратов. «Практически всего, что связывается в воображении людей с генетической инженерией,

¹⁰ На мой взгляд, Фукуяма не прав в своем пренебрежительном отношении к методам формирующего воздействия на личность, осуществляемого на социальном и социально-психологическом уровне. Эти методы, замечу еще раз, отнюдь не исчерпали своего потенциала, и их конкуренция с методами биологического воздействия, несомненно, будет стимулировать их интенсивное развитие. Никим образом не следует считать отошедшими в прошлое и проекты социального (в противовес биотехнологическому) конструирования человека.

можно будет добиться в более короткие сроки с помощью нейрофармакологии» (р. 52). Так, бензодиазепины могут быть использованы для снижения тревожности, поддержания спокойного, но активного бодрствования, для улучшения сна; воздействуя на уровень ацетилхолина, можно будет улучшать способность к изучению новых фактов и сохранению в памяти получаемых знаний; регулируя уровень дофамина – повышать выносливость и мотивацию; манипулируя эндогенной опиатной системой, уменьшать чувствительность к боли и повышать порог удовольствия.

Распространение психотропных препаратов в США, продолжает Фукуяма, демонстрирует три мощные тенденции: желание людей как можно больше медикализировать свое поведение с тем, чтобы снизить ответственность за свои действия; давление экономических интересов; тенденцию все больше и больше расширять сферу терапевтических воздействий – ведь всегда можно найти доктора, который согласится, что любая неприятная или огорчительная ситуация есть патология, так что в скором времени общество узаконит оценку такого рода ситуации как состояния нетрудоспособности, которое должно быть так или иначе компенсировано.

Все эти тенденции ведут нас в такое общество, которое во многих отношениях ближе к «прекрасному новому миру» Хаксли, чем к миру, к которому, при всех его несовершенствах, мы так привыкли. Опять же, никто, никакая тоталитарная власть, не загоняет людей в этот новый мир. Он будет (если будет) построен путем свободных решений, множества актов свободного и добровольного выбора, осуществляемых самими людьми.

* * *

Еще один путь, ведущий в постчеловеческое будущее, Фукуяма связывает с перспективами существенного продления жизни человека. Сегодня эти перспективы связываются со щедро поддерживаемыми биотехнологической индустрией исследованиями, во-первых, теломеров – концевых участков хромосомы, эффектом которых является ограничение общего количества делений каждой соматической клетки, в частности, с открытием фермента теломеразы, который позволяет обеспечить бесконечное количество делений клетки, а во-вторых, стволовых клеток, способных делиться бесконечно.

Тенденция увеличения средней продолжительности жизни действует уже достаточно долго, и одним из ее последствий является старение населения, столь характерное для развитых стран. В достаточно близком будущем, однако, эта тенденция может резко усилиться, так что к 2050 году средний возраст жителей США достигнет 40 лет (в 1850 году он составлял 19 лет, а в 90-е годы прошлого столетия – 34 года), Германии – 54, Японии – 56, а Италии – 58 лет. Половина населения при этом будет в пенсионном возрасте.

Фукуяма различает две категории долгожителей. Первая – это люди в возрасте от 65 до примерно 80 лет, обладающие хорошим здоровьем и способные вести активный образ жизни. Вторая – те, кому за 80. У этих людей способности очень часто ослаблены, и они, подобно маленьким детям, целиком зависят от окружающих.

Возникает, таким образом, следующая проблема: существующие и разрабатываемые сегодня медицинские технологии нацелены прежде всего на продление телесной, биологической жизни. Поэтому резкое увеличение количества долгожителей второй категории, не сопровождаемое соответствующим улучшением качества их жизни, может привести к тому, что люди смогут доживать до 150 лет, но при этом последние лет пятьдесят они будут находиться в совершенно беспомощном состоянии. Именно такое однобокое развитие медицинских технологий, полагает Фукуяма, уже стало причиной того, что общество уделяет столь большое вни-

мание проблемам эвтаназии и ассистируемого (врачом) самоубийства. Отнюдь не очевидно, таким образом, что существенное продление жизни люди будут воспринимать как благо¹¹.

Другая, более отдаленная проблема, о которой говорит Фукуяма, такова: «Будет меняться и отношение людей к смерти. Возможно, смерть станет восприниматься не как естественная и неизбежная сторона жизни, а как предотвратимое зло вроде полиомиелита или кори. В таком случае принятие смерти может представляться как нелепый выбор, а не как то, что надлежит встречать с достоинством и благородством» (р. 71).

* * *

Последний – и самый отдаленный – маршрут в будущее, обсуждаемый Фукуямой, – это генетическая инженерия, которую он характеризует как «самую революционную биотехнологию». Сегодня генетическая инженерия применяется главным образом в сфере сельскохозяйственных биотехнологий, что уже вызывает споры и протесты повсюду в мире. Перспективы же применения ее к человеку побуждают говорить о новой форме евгеники, то есть опять-таки о возможности изменить природу человека.

Характерный символ генетической инженерии – это «спроектированный ребенок» (designer baby). Предполагается, что генетики сначала определяют «гены, ответственные за «такие свойства, как интеллект, рост, цвет волос, агрессивность или самооценка, а затем на основании этих знаний создадут «наилучшую» версию ребенка. При этом не обязательно даже, чтобы тот или иной потребный ген был человеческим.

Конечно, этот путь чреват многими опасностями, часть из которых сегодня обсуждается в дискуссиях по поводу клонирования человека. Действительно, модификация существующих или введение новых генов может привести ко множеству самых разнообразных и неожиданных последствий. Важно поэтому, чтобы практическое применение любой формы генетической инженерии, которая может привести к значительным эффектам на популяционном уровне, предварялось убедительной демонстрацией ее желательности, безопасности и относительной дешевизны. Однако такой рациональный ход событий вовсе не является предзаданным.

Уже есть прецеденты того, что новые медицинские технологии порождают популяционно значимые эффекты в результате миллионов решений, которые люди принимают на индивидуальном уровне. «Достаточно, – пишет Фукуяма, – всего лишь взглянуть на современную Азию, где сочетание дешевых радиограмм и легкодоступного аборта привело к резкому изменению в соотношении полов. В Корее, например, в начале 1990-х годов рождалось 122 мальчика на 100 девочек при нормальном соотношении 105 к 100. Соотношение в КНР лишь немногим меньше, 117 мальчиков на каждые 100 девочек, а в северной Индии существуют места, где это соотношение еще более смещено¹². Это привело к дефициту девочек в Азии, который экономист Амартия Сен оценил в 100 млн. Во всех этих обществах аборт в целях выбора пола незаконен; но, несмотря на давление правительств, желание отдельных родителей иметь наследника-мальчика порождает сильно деформированное соотношение полов» (р. 80–81).

Этот перекося в соотношении полов может привести к серьезным социальным последствиям. Так, уже во втором десятилетии нашего века Китай столкнется с ситуацией, когда

¹¹ См. в этой связи также статьи Дж. Харриса «Сканирование горизонта. Этические проблемы бессмертия» и Л. Кеннеди «Что сулит нам продление жизни?» в журнале «Человек» (2002. № 3).

¹² В рабочем докладе «Этические аспекты выбора пола», подготовленном аппаратом Совета по биоэтике при Президенте США (январь 2003 г.), приводятся несколько другие данные: Венесуэла – 107,5; Югославия – 108,6; Египет – 108,7; Гонконг – 109,7; Южная Корея – 110; Пакистан – 110,9; Дели, Индия – 117; Китай – 117; Куба – 118; в Азербайджане, Армении и Грузии эта величина достигает 120. Авторы доклада считают, что, если соотношение количества мальчиков и девочек при рождении превышает 106 к 100, это свидетельствует о реальном применении практики выбора пола. См.: Staff Working Paper. Ethical Aspects of Sex Control (<http://www.bioethics.gov/>)

пятая часть мужского населения, находящегося в брачном возрасте, не сможет найти невест. Ясно, что такой переизбыток неприкаянных молодых людей породит немало проблем.

Неизвестно, станет ли когда-нибудь генетическая инженерия такой же дешевой и доступной, как радиограммы и аборт. Но если, к примеру, ее методы позволят производить детей с более высоким уровнем интеллекта, то в демократическом государстве это породит новую евгеническую волну. На этот раз, однако, речь пойдет не о том, чтобы предотвратить появление детей у людей с низким коэффициентом интеллекта (задача негативной евгеники), а о том, чтобы помочь таким людям повысить этот коэффициент (задача позитивной евгеники) как у себя, так и у своих детей. Именно государству, таким образом, придется обеспечивать доступность этой технологии, что и приведет к значимым последствиям на популяционном уровне.

3. Конструирование человека

Утопический проект создания ребенка с заранее predetermined характеристиками и качествами или, иными словами, замысел *конструирования человека* вполне можно считать некоей сверхидеей, в которой вдохновляются многие из тех, кто так или иначе вовлечен в биотехнологическую революцию. Этот замысел действительно выступает как новое, современное выражение воззрений, которые акцентируют ведущую роль биологических, генетических начал в определении природы человека.

Но вот некоторое время назад мне стало известно о таком факте, имевшем место в Москве. Группа достаточно состоятельных родителей обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Родители обеспокоены тем, что существующая в России система образования по традиции ведет к преобладанию детей с определенным набором личностных черт, таких, как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства и т. п.

По мнению этих родителей, дети с такими чертами личности будут недостаточно приспособленными и успешными в будущей самостоятельной жизни, где необходимо будет проявлять противоположные свойства: стремление во что бы то ни стало достичь поставленной цели, самостоятельность, способность прилагать максимум усилий для получения существенных результатов в своей деятельности, наличие развитых коммуникативных и лидерских умений. Родители готовы были не только платить за образовательные курсы, которые позволят их детям развить такие черты, но и оказывать материальную поддержку разработке соответствующих психологических тренинговых программ. Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с проектом создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только в этом случае речь идет не о биологическом или генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании.

Вполне можно было бы порассуждать о том, что для нашей культуры более характерен именно такой подход, акцентирующий влияние среды и воспитания в формировании личности, в то время как в американской (или, может быть, западной?) культуре более свойственно ставить на первый план влияние генов. Меня, однако, интересует здесь другое, а именно – структурное сходство двух проектов и, в частности, их специфические отличия от проектов, предлагавшихся в прошлом.

Во-первых, нынешние воззрения отличает существенно *технологический подход*. Он проявляется не только в планировании и организации действий, но и в самом восприятии вещей, включая такие интимные, как черты личности ребенка, даже своего собственного. Я имею в виду при этом такой способ восприятия мира и мышления о мире, который предполагает, что если некто имеет четко определенную цель (скажем, те или иные черты личности) и необходи-

мое количество ресурсов (прежде всего – финансовых), то он может достичь этой цели, наняв профессионалов или экспертов, которые будут в состоянии собрать или создать все необходимые технологические средства. В случае генетического проекта эти средства – вмешательства, осуществляемые на молекулярно-генетическом уровне; в случае социального – такие психологические воздействия, о которых столь пренебрежительно отзывается Фукуяма. Мне-то представляется, что XX век многократно демонстрировал высочайшую эффективность технологий индоктринации, а уж современные методы психологического воздействия, формирования стереотипов восприятия и поведения достигают порой редкостной изощренности. Между прочим, то, что общественное мнение сегодня оказывается столь падким на посулы, исходящие от пропагандистов генно-инженерных технологий, тоже можно в определенной мере рассматривать в качестве результата такой социально-психологической обработки.

Говоря о проектируемом ребенке, мы имеем в виду не только то, что отдельные его черты, но и сам ребенок в целом воспринимается в подобных ситуациях как произведенный, «созданный» родителями. Причем речь идет о «созданности» не просто в генетическом или социально-психологическом, но и в этом технологическом смысле. Другими словами, ребенок (а стало быть, и человек) в таких случаях понимается как некое достаточно произвольно конструируемое и даже реконструируемое существо, порождаемое не столько природой, сколько осуществлением человеческого замысла.

Стоит обратить внимание и на то, что нынешние тенденции в восприятии возможных путей использования новых знаний о геноме человека отчетливо демонстрируют тот же самый существенно технологический способ их применения. Более того, те же тенденции во все большей мере определяют и пути получения этих новых знаний.

Во-вторых, такой технологический подход не только предполагает, но и делает необходимым применение тщательно разработанных, основанных на количественных оценках и измерениях систем *диагностики*. Действительно, необходимо ведь иметь возможность как предварительной диагностики тех черт будущего ребенка, которые предполагается улучшить, так и промежуточной диагностики того, насколько успешно мы движемся к желаемому состоянию.

Очевидно, что такие системы диагностики должны быть довольно сложными и многомерными; они могут быть созданы только на основе развитых категоризаций, которые позволяют систематизировать и классифицировать огромное разнообразие человеческих индивидов. А это значит, что те родители, которые захотят получить своего ребенка в улучшенном варианте, на самом деле будут иметь не просто своего собственного, уникального ребенка, а некоторый продукт технологических манипуляций.

Отметим, что генетическая диагностика на сегодня является наиболее развитой областью исследований в геномике человека. И уже известно, что она несет с собой разнообразные риски, затрагивающие права и достоинство человека, риски дискриминации и стигматизации индивидов или популяций. Кроме того, развитие генодиагностики нередко опережает технологические возможности ассимиляции ее достижений. А это создает риск обнаружения дефектов, заболеваний и предрасположенностей, которые не поддаются лечению. Проблемы, касающиеся того, следует ли получать такую информацию и что с ней делать, еще ждут своего решения.

Отметим также и то, что все более широкое применение получают сегодня и методы психологической диагностики, особенно применительно к детям. И в этом случае их применение бывает далеко не безобидным, также являясь источником различных рисков, например той же стигматизации или травмирующей самооценки¹³. Но если разработка и применение средств генетической диагностики сопровождается пристальным вниманием к возникающим в этой

¹³ См. в этой связи, напр., материалы Круглого стола «Психологическая диагностика в системе образования и права ребенка» (Человек. 2000. № 6; 2001. № 1).

связи этическим проблемам, то о применении методов психодиагностики сказать подобное, к сожалению, нельзя. Представляется, что для выявления, оценки и решения такого рода проблем особенно важны средства гуманитарной экспертизы.

В-третьих, такой подход опирается на (неявное) допущение, согласно которому человека можно понимать как всего лишь *набор отдельных признаков*. Как известно, классическую генетику первой половины XX века часто критиковали за то, что она не уделяла должного внимания системным взаимосвязям и взаимодействиям между отдельными генами. В ходу были такие уничижительные характеристики, как «генетика мешка с горохом». Безусловно, современная генетика ушла очень далеко от такого состояния. Сам термин «геном» был предложен, помимо всего прочего, для того, чтобы подчеркнуть системную природу функционирования и выражения отдельных генов в рамках генома как целого.

На этом фоне особенно удивительным представляется то, что сегодня, по крайней мере в публичном восприятии новой генетики и ее перспектив, такой механистический подход вновь получает распространение. Видимо, его возрождение только отчасти может быть объяснено внутринаучными причинами, главную же роль играют именно запросы широкой публики. Почти каждую неделю средства массовой информации сообщают об открытии нового гена, ответственного не просто за ту или иную болезнь, но часто и за какую-либо привычку или черту поведения. Неоднократно, к примеру, сообщалось об обнаружении гена полноты. Характерно, что «героями» таких сообщений прессы обычно являются именно те черты, признаки или свойства, которые вызывают у людей наибольший интерес. Имеет смысл обратить внимание и на поразительное совпадение такого рода «мозаичного» восприятия сложных объектов с постмодернистским стилем мышления.

Подобные же соображения касаются и социально-психологического конструирования. Есть все основания говорить о системной организации как взаимосвязанных между собой черт личности, так и связей личности с окружающей ее социальной и культурной средой. Поэтому вполне возможно, что личность, конструируемая или реконструируемая с помощью психологических технологий, будет сталкиваться с серьезными трудностями именно из-за несоответствия преобладающим социальным и культурным нормам и ценностям.

В-четвертых, наконец, принципиальной особенностью современного подхода является его отчетливо выраженный *конструктивизм*. Не только каждая общая или специфическая черта каждого биологического организма, не только биологический организм как целое, но и каждое человеческое существо воспринимается как в некотором смысле созданное, порожденное, как *сконструированное*. Более того, именно эта сконструированность открывает возможности для преднамеренного *ре-конструирования* человеческого существа. Тщательно подготовленные микровмешательства или микровоздействия позволят «отремонтировать», подправить не только врожденные, но и приобретенные дефекты и поломки, а также получать детей улучшенного качества.

Об этом конструировании имеет смысл поговорить более подробно. Сегодня мы знаем, что смерть человека, то есть конец человеческой жизни, – это социальное событие, не только в том смысле, что оно обычно затрагивает разных людей, но и потому, что оно определяется (и переопределяется) в процессах социального взаимодействия и выработки консенсуса. Кроме того, сегодня событие человеческой смерти, как и обстоятельства, при которых оно происходит, часто является следствием некоторых технических манипуляций (например, отключения жизнеподдерживающих аппаратов), направляемых социально конструируемыми или социально контролируемыми решениями.

На противоположной грани индивидуального человеческого существования мы обнаруживаем сходные изменения. Благодаря технологиям искусственной репродукции рождение, или исходный пункт человеческого существования, также становится вопросом социальных взаимодействий и выработки согласованных определений и решений. В этом случае, впро-

чем, выработка консенсуса оказывается намного более сложной. Тем не менее эти трудности с определением момента начала человеческой жизни делают еще более очевидным конвенциональный, социально сконструированный характер самого определения. Более того, и это особенно существенно, научно-технический прогресс последних десятилетий открыл возможности *манипулирования* началом человеческой жизни, превращения этого начала из естественного события в событие преднамеренно организуемое, *ре-конструируемое*.

Сегодня мы немало знаем и о социальной природе, социальной конструируемости границ между здоровьем и болезнью.

А это значит, что не только начальная и конечная точки, но и все пространство человеческой жизни в определенной, и притом очень существенной, мере может быть представлено как социальная конструкция. Очевидно, и в этом случае наши быстро растущие возможности манипулирования человеческим организмом и психикой вкупе с технологической направленностью восприятия и обращения с этими состояниями позволяют нам переходить от «естественных» к «интенциональным» способам социального конструирования.

Под «естественным» способом я понимаю социальное конструирование реальности (или ее определенных фрагментов) в смысле П. Бергера и Т. Лукмана¹⁴. Их конструктивизм можно охарактеризовать как дескриптивный – они стремятся описывать социальный мир значений таким, каков он есть сам по себе (или, если воспользоваться выражением К. Маркса, можно говорить о естественно-историческом характере явлений социального мира – эти явления просто происходят с нами или вокруг нас, безотносительно к нашим планам, желаниям и т. п.) и не идут так далеко, чтобы полагать, что эти значения можно формировать и переформировывать преднамеренно. *Интенциональный способ*, в свою очередь, есть сложная смесь технологических возможностей направленного вмешательства, с одной стороны, и намерений, верований, норм и т. д., воплощенных в произвольных и сознательно проектируемых социальных действиях – с другой. Следовательно, в этом случае мы имеем нечто вроде «конструктивного конструктивизма». Безусловно, социальные (и человеческие) действия такого рода являются вполне обычными; интересно же то, что в рассмотренных нами случаях такое интенциональное социальное конструирование направлено на достижение необычных целей.

Вернемся теперь еще раз к спорам о соотношении природы и воспитания в формировании человека. Напомним, что в первой половине XX века обе позиции – примат как природного, так и социального – лежали в основе глобальных проектов создания нового мира и нового человека. Так, в нацистской Германии реализовывалась программа радикального совершенствования наиболее ценной части человечества за счет манипуляций, направленных на контролируемое и направленное улучшение видового генофонда. В Советском Союзе предполагалось, что контролируемое и плановое, направленное изменение социального порядка позволит создать не только новое, бесконфликтное общество, но и нового человека – всесторонне и гармонически развитую личность.

Подобного рода проекты – исходящие как из преимущественно биологической, так и преимущественно социальной природы человека – выдвигаются и реализуются и сегодня. Однако между прежними и теперешними проектами существуют принципиальные различия. Прежние проекты основывались на концепциях, описывающих реальность в терминах *детерминации* и детерминирующих, определяющих сил – будь то генетическая конституция или законы истории, – а не того, что конструируется и реконструируется с помощью технологических средств. Основной интерес при этом был направлен на то, чтобы поставить под контроль эти детерминирующие силы. Важно иметь в виду, что такие проекты могли быть эффективными в достижении поставленных целей только при том условии, что детерминирующие силы действуют

¹⁴ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., Медиум, 1995.

в огромных масштабах. Отдельная человеческая жизнь при этом воспринималась как бесконечно малая величина.

В отличие от этого в сегодняшних проектах акцентируется не детерминация, а конструирование и ре-конструирование человеческого существования. Соответственно, в качестве исходной и конечной точки нынешних проектов выступает именно отдельная человеческая жизнь.

С этим связана и еще одна отличительная особенность нынешних проектов. В контексте теорий и подходов, подчеркивающих детерминацию – социальную или генетическую – отдельного человеческого существа, главное внимание направляется на некоторое общее начало, на сущность индивида; предполагается при этом, что детерминирующие силы действуют именно на уровне этой сущности, этой наиболее важной, конститутивной части, а не каких-то вторичных и случайных черт, конкретных деталей индивида. В противоположность этому современные подходы, подчеркивающие конструируемую и реконструируемую природу человеческого существа, обращают внимание прежде всего на такие детали, на частности, оставляя в стороне или попросту игнорируя иные, якобы более глубокие уровни человеческой жизни и человеческого существования.

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ НАУКЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

Борзенков В.Г., доктор философских наук, профессор

Я убежден, что наше будущее зависит от того, готовы ли будут лучшие умы человечества, полностью осознав нынешнее кризисное положение, посвятить себя новой гуманистической науке о человеке.

Э. Фромм.

Слова, вынесенные в эпиграф, выражают итог напряженной духовной работы, длившейся не одно десятилетие, одного из самых продуктивных и блестящих мыслителей-гуманистов XX века. Но этими же словами мог бы выразить суть главных итогов своей напряженной и разносторонней деятельности и академик И.Т. Фролов. Впрочем, так и выражал. Когда в июне 1991 года при вручении ему премии «Глобал-500» корреспондент газеты «Известия» задал ему вопрос: «Что у Вас главное в жизни?» – он, будучи тогда главным редактором газеты «Правда», членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Комиссии ЦК КПСС по проблемам науки, образования и культуры, ответил, что главным в своей жизни считает создание Центра наук о человеке, Института человека и журнала «Человек». И этот ответ был логичен, потому что главное в жизни любого человека (в том числе и своей собственной жизни) мерил категориями не должностными, а нравственными. Тем, в какой мере жизнь каждого человека сопряжена и какой вклад она вносит в улучшение жизни всех людей, человечества, наконец. А в эти годы он был убежден, что нет сейчас в науке проблемы более актуальной и более важной для судеб человечества, чем проблема человека.

Начав эту статью, посвященную теме «наука о человеке в творчестве академика И.Т. Фролова», с цитаты из Э. Фромма почти случайно, я сам был поражен тем, насколько это соединение имен Фромма и Фролова на самом деле является не случайным, а даже «напрашивающимся». И многозначительным!

И столь значащим для осмысления истоков и развития человековедческой проблематики во второй половине XX века в контексте процесса становления нового, научного гуманизма, что – теперь я в этом убежден – должна стать предметом специального научного исследования.

В самом деле, поразительны параллелизмы и конвергенции в духовных исканиях и жизненных ценностях этих двух выдающихся ученых и мыслителей-гуманистов XX века. Можно начать хотя бы с того, что, несмотря на свою весьма рано пробудившуюся тягу и любовь к конкретным наукам, оба, как показало время, были философами, что называется, по призванию, людьми, склонными даже самые конкретные проблемы науки рассматривать в контексте предельно общих мировоззренческих вопросов. Но оба в то же время через всю жизнь пронесли глубокое убеждение в том, что подлинное, имеющее действительно жизненно важное практическое значение решение любых, в том числе и самых общих, человековедческих проблем возможно только в рамках и на основе эмпирической науки. При выходе обоих на проблему человека как главную (и для себя, и для своего времени), они не могли не подойти и к главному, ключевому вопросу всей сферы человековедческих исследований – возможна ли и как возможна единая наука о человеке?

Но этот параллелизм научных и философских исканий и конвергенция жизненных ценностей Фролова и Фромма может быть прослежена и на более глубоких уровнях. Выросши, получив образование и воспитание в совершенно разных социальных и общественно-политических системах во времена, когда эти системы противостояли друг другу как два враждебных и непримиримых лагеря, оба, став на тропу самостоятельной ответственной работы мысли, заняли в конце концов решительно критическую позицию не только по отношению к «чужой» для каждого из них системы (для Фромма это, естественно, все варианты тоталитаризма, а

для Фролова, соответственно, – капитализм), но и по отношению к своей собственной, так сказать, «родной». Но главное, конечно, это то, что критика эта осуществлялась с одних и тех же философских и мировоззренческих позиций, а именно – с позиций гуманистических ценностей демократического социализма. И тот, и другой в результате напряженной многолетней работы мысли пришел к твердому убеждению, что если у человечества есть реальная перспектива на будущее, то это будущее может ему гарантировать только воплощение в жизнь идеалов реального демократического социалистического гуманизма. Оба при этом до конца оставались марксистами. И это тоже поразительно! Несмотря на, казалось бы, полную дискредитацию всего того, что хоть как-то напоминало «марксизм», в глазах западного обывателя еще в 50—60-е годы, а в глазах отечественного в 80-90-е, и Э. Фромм, и И.Т. Фролов проявили в этом удивительную твердость. И для того, и для другого мыслителя гуманистически интерпретируемый Маркс, марксизм как учение об условиях освобождения человека труда от всех форм зависимости и отчуждения, остался столь же великим и необходимым будущему человечеству духовным обретением, как и самые великие религиозные учения прошлого (буддизм, христианство и др.).

Конечно, Фромм по понятным причинам имел возможность все это выразить значительно раньше Фролова. И в идейном, и в терминологическом плане все точки над «и» для себя он расставил уже по крайней мере в 1955 году в одной из своих самых фундаментальных работ «Здоровое общество». Дав в этой работе четкий, глубоко исторически и психологически обоснованный диагноз капитализму как «нездоровому обществу», он затем выделил три как бы самой историей предложенных «рецепта» по его «излечению»: 1) тоталитаризм (фашистского и сталинского типов), 2) суперкапитализм и 3) социализм. Тоталитаристские решения, решительно утверждал он в этой работе, будь они фашистского или сталинского типа, могут привести только к еще большему безумию и дегуманизации. «Решение» же, предложенное суперкапитализмом, лишь углубляет патологию, внутренне присущую капитализму: оно увеличивает отчуждение человека, его автоматизм и завершает процесс превращения его в идола, называемого производством¹⁵. «Единственным конструктивным решением – скажу эту его мысль буквально словами самого Э. Фромма – является социализм, стремящийся к коренной реорганизации нашей экономической и социальной системы в направлении освобождения человека от роли средств для достижения целей...»¹⁶ Но социализм, считает Фромм, в сущности, так и остался на бумаге, поскольку все реальные практики «социалистического строительства» в конце концов завершались созданием еще одного варианта государственно-бюрократического капитализма. Но это значит, что подлинный «демократический социализм, – говорит Фромм, – должен вернуться к ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ аспектам социальных проблем»¹⁷.

Разумеется, ни в 60-е, ни в 70-е годы И.Т. Фролов, как и другие «шестидесятники», защитники идеи «социализма с человеческим лицом», не мог высказываться в столь категоричной и недвусмысленной форме (по крайней мере, в отношении «реального» социализма). Но настойчивое выдвижение им в эти годы проблематики человека как центральной проблемы современности и все более настойчивая квалификация им марксизма прежде всего как гуманистического учения об условиях освобождения человека, а социализма как реального воплощения в жизнь этих гуманистических целей и идеалов ясно показывают, как прочно овладели им в эти годы идеи демократического социализма и общечеловеческих ценностей. И он остался верным этим убеждениям до конца. И имел мужество после переворота 1991 года сказать корреспонденту «Московских новостей», что «остался коммунистом, сторонником гуман-

¹⁵ См.: Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995. С. 497.

¹⁶ Там же. С. 497.

¹⁷ Там же. С. 490.

ного, демократического социализма... приверженцем марксизма в его творческой, гуманистической интерпретации»¹⁸. И мы все знаем, сколь тверд и последователен он в этих вопросах был все 90-е годы. Эта увлеченность идеей демократического социализма и высокая оценка творческого потенциала гуманистически интерпретируемого марксизма была первой из тех линий духовного развития Э. Фромма и И.Т. Фролова, которая привела и того, и другого к осознанию исключительной важности теоретического исследования проблемы человека для судеб всего человечества.

Вторая линия конвергенции философских путей развития Фролова и Фромма к проблеме человека как центральной проблеме наших дней имеет несколько иной источник. Этим источником стало осознание и тем, и другим (совместно и одновременно со многими другими выдающимися учеными, мыслителями и общественными деятелями тех лет) судьбоносного значения уже для ближайшего будущего человечества так называемых «глобальных проблем» человеческого общества (угрозы термоядерной войны, экологического кризиса, истощения невозобновимых природных ресурсов, перенаселения планеты и др.).

С необычайной чуткостью и тот, и другой сразу осознали принципиально АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ корни этих проблем и необходимость учета прежде всего ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО измерения при выработке рекомендаций по их решению. Что касается Э. Фромма, то об этом достаточно красноречиво говорит цитата, вынесенная в эпиграф настоящей статьи, взятая из последней фундаментальной монографии мыслителя – «Иметь или быть?», сам замысел которой возник как реакция на глубоко потрясшие его результаты исследований и выводы первых двух докладов, сделанных учеными по поручению Римского клуба (Д. Медоуз в соавторстве с М. Месаровичем и Э. Пестелем)¹⁹. А какое важное место в 70-80-е годы в жизни и творчестве И.Т. Фролова заняла «философия глобальных проблем», создателем которой (по крайней мере, отечественного ее варианта) он, в сущности, и являлся, хорошо известно. Но мне в этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что, как Э. Фромм и А. Печчеи (создатель и первый многолетний руководитель Римского клуба), И.Т. Фролов именно в проблеме человека увидел живой нерв всей глобалистики. «Следует подчеркнуть то важнейшее обстоятельство, – писал он в одной из работ еще в 1980 году, – что ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА И ЕГО БУДУЩЕГО (выделено самим автором. – В.Б.) является своеобразным центром всей системы глобальных проблем, все они так или иначе связаны с ней. Человек, его актуальные потребности и его будущее оказываются своеобразной «точкой отсчета», из которой исходят в определении социальной и гуманистической значимости тех или иных глобальных проблем, направлений и форм их решения. Вместе с тем проблема человека и его будущего – это и в каком-то смысле самостоятельная глобальная проблема, которая может быть рассмотрена по крайней мере в двух аспектах: 1) как вопрос о перспективах человека в биологическом плане, когда он берется в качестве представителя вида «*Homo sapiens*»; 2) как вопрос о будущем неповторимой, творчески активной личности, развитие которой детерминировано не только наличными материальными и духовными условиями, но и определенными социальными идеалами»²⁰.

Итак, идя, казалось бы, совершенно различными жизненными путями, исследуя и решая разные философские и научные проблемы, и И.Т. Фролов, и Э. Фромм пришли к одному и тому же твердому убеждению, что стержнем всех центральных проблем современности является проблема человека. И тогда и перед тем, и перед другим встал не простой, надо сказать, вопрос: с чем связать свои надежды, ну, если уж и не на решение, то хотя бы на продуктивное прояснение этой проблемы? Ведь ни для Э. Фромма, ни для И.Т. Фролова не было сек-

¹⁸ Фролов И.Т. Избранные труды в трех томах. Том 3. О человеке и гуманизме. М.: Наука, 2003. С. 746. Все ссылки на работы И.Т. Фролова даются по этому изданию.

¹⁹ См.: Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. С. 17.

²⁰ Фролов И.Т. Указ. соч. С. 38–39.

ретом, что проблема человека с незапамятных времен, практически всегда была центральной проблемой для самого человека, и к середине XX века было предложено несметное число ее «решений» в контексте различных религиозно-мифологических и спекулятивно-философских систем. Более того, именно в первой половине XX века антропологическая проблематика и в философии, и в науке переживала такой бум интереса к ней, а ее значимость для развития философии стала столь очевидной, что многие стали говорить о необходимости буквально «антропологического поворота» в философии XX века. И вот здесь вновь и линии размышлений, и выбор исходных методологических приоритетов у двух мыслителей удивительным образом совпали. И тот, и другой твердо решили для себя, что единственно надежным путем получить удовлетворительные ответы на вопросы типа «что такое человек?», «какова природа человека?», «каковы перспективы развития человека?» и пр. – это путь широкого и разностороннего НАУЧНОГО исследования человека с последующей интеграцией результатов этих исследований в рамках единой науки о человеке. Так, Э. Фромм, исследуя механизмы и внутреннее пружины становления капитализма, показал, что те трудности (особенно с созданием новых технологий), с которыми столкнулась волна модернизации XVI–XVII веков, были преодолены благодаря тому, что была создана новая наука, провозгласившая принцип наблюдения и познания природы как условие господства над ней. «Но сегодня, – решительно утверждает он далее, – почти три с половиной столетия спустя, нам нужна совсем иная, новая наука. Нам нужна Гуманистическая Наука о Человеке как основа для Прикладной Науки и Прикладного Искусства Социальной Реконструкции»²¹. Хотя и не с большой буквы, но в столь же почтительно-торжественном и даже патетическом стиле высказывался по этим вопросам и И.Т. Фролов. «Сегодня, – писал он в одной из своих программных статей, – как никогда ранее, человечество сосредоточенно вглядывается в самого себя и порой как бы вновь открывает ЧЕЛОВЕКА: не без радостного изумления и даже восхищения, а зачастую и горького разочарования. Человек – уникальнейшее и изумительнейшее существо, самое поразительное творение природы и истории, будущее его бесконечно и прекрасно, утверждают одни мыслители. Человек – ошибка природы, ее злосчастное порождение, наделенное неисчислимыми пороками, у него поэтому нет будущего, он обречен на вырождение и гибель, считают другие. Кто прав? Кто ошибается? А может быть, не правы ни первые, ни вторые и есть какая-то третья точка зрения, примиряющая и «снимающая» первые две?»²² Такова экспозиция проблемы. И далее: «Бесчисленные мифы и легенды, религиозные и философские системы, научные предположения и фантастические грезы, утопии и антиутопии порождены человеком в попытках найти ответ на эти мучительные вопросы, познать себя, свое назначение и свою судьбу». И вот самое главное: «Как драгоценную находку, как награду после долгих и мучительных поисков, надежд и разочарований принимает современный человек – не сразу и не без сомнений – открывающуюся ему истину: прогресс науки – вот ключ к пониманию человеческих проблем, тот «магический кристалл», сквозь который просматриваются перспективы человечества, будущее человека. Сегодня прогресс науки и будущее человека так же легко соединяются в нашем сознании, как ранее казались нерасторжимыми с гадательной судьбой человека религиозные мифы, философские и иные утопии. На место мифов и утопий ставится доказательный, объективно обоснованный подход, строгое соответствие выводов имеющимся фактам, то есть НАУКА»²³.

Нетривиальность такого хода мысли и такого выбора будет ясна каждому, кто хотя бы мельком знаком с историей обсуждения проблемы человека в мировой философской литературе. Абсолютно доминирующей в ней является точка зрения, согласно которой выработка общего представления о человеке, ответы на вопросы «что такое человек?», «какова природа

²¹ Фромм Э. Иметь или быть? С. 180.

²² Фролов И.Т. Указан. соч. С. 764.

²³ Там же. С. 764.

(сущность) человека?» – это вообще не компетенция науки. Задача науки – с этой точки зрения – это исследование различных АСПЕКТОВ человека как природного и социального существа (скажем, анатомических, физиологических, генетических аспектов и т. д. или его способности овладевать человеческой речью, языком, мыслить, создавать новые орудия труда, творить духовные ценности и пр. и пр.). Что же касается «образа человека» как целостного существа, то он заимствуется наукой из различных мифо-поэтических, религиозных и философских систем (в том случае, когда она вообще в нем нуждается). Практически вся антропологически ориентированная философия XX века (назову только таких ее корифеев, как Н.А. Бердяев, К. Ясперс, М. Шелер, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.) исходила из этой презумпции исключительных прав именно философии давать человеку ответы на вопросы «что такое человек, каково его положение в Космосе и в чем смысл его существования в мире?». Так вот, и Э. Фромм, и И.Т. Фролов ясно и недвусмысленно противопоставляли свое понимание методологии исследования человека как целостного существа (вплоть до постановки вопроса об основных экзистенциалах человеческого существования в мире) этой спекулятивно-антропологической традиции, в частности М. Хайдеггеру и Ж.-П. Сартру. Например, в одной из своих самых известных и популярных работ – «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм, предваряя обсуждение специальных вопросов, писал: «Когда же мы хотим узнать, что составляет условия человеческого существования, то возникают главные вопросы: в чем состоит сущность человека? Что делает человека человеком?» И сразу же вслед за этим продолжает: «Вряд ли стоит доказывать, что обсуждение таких проблем в современном общественном сознании нельзя считать плодотворным. Эти проблемы по-прежнему считаются прерогативой философии и религии; а позитивистское направление рассматривает их в чисто субъективистском аспекте, игнорируя всякую объективность. Поскольку мне не хочется, забегая вперед, приводить развернутую аргументацию, опирающуюся на факты, я пока ограничусь несколькими замечаниями. Что касается меня, то в отношении этих проблем я исхожу из биосоциальной точки зрения. Важнейшей предпосылкой является следующее: поскольку специфические черты *Homo sapiens* могут быть определены с позиций анатомии, неврологии и физиологии, мы должны научиться определять представителя человеческого рода с позиций психологии». И наконец, главное: «В попытке дать определение человеческой сущности мы опираемся не на такие абстракции, какими оперирует спекулятивная метафизика в лице, например, Хайдеггера и Сартра. Мы обращаемся к реальным условиям существования реального живого человека, так что понятие СУЩНОСТЬ каждого индивида совпадает с понятием экзистенции (существования) рода. Мы приходим к этой концепции путем эмпирического анализа анатомических и нейрофизиологических человеческих типов и их психических коррелятов (т. е. душевных состояний, соответствующих этим данным)»²⁴. Но точно такой же ход мысли мы видим и в работах И.Т. Фролова. Так, уже в одной из первых статей на эту тему «Современная наука и гуманизм» (Вопросы философии, 1973, № 3) он также отталкивается от альтернативы сциентизма и антропологизма, сформировавшейся в недрах европейской культуры в попытках решения проблемы человека. «Эта альтернатива, – пишет он, – методологически может быть обозначена также как дополнительность, редукционизма и целостных подходов»²⁵. «Дуализм методов исследования человека, – продолжает он далее эту мысль, – является, однако, лишь частным случаем и проявлением общего разрыва между наукой и человеком, присущего так называемой картезианской модели науки, в которой учение о человеке, даже будучи частью физики или биологии, всегда дополнялось извне метафизическими типа картезианского *cogito*, гегелевского панлогизма и т. д. С другой стороны, абсолютизация целостных подходов, противопоставление картезианскому сциентизму и натуралистическому позитивизму

²⁴ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. С. 24.

²⁵ Фролов И.Т. Указ. соч. С. 19–20.

антропологизма как универсального принципа методологии, исходящего из представления о человеке как некоторой противоположности предмету науки (прежде всего естествознания), создало традицию его чисто философского рассмотрения, нашедшего предельное выражение в различных иррационалистических, критико-реалистических, неотомистских, персоналистских, экзистенциалистских и других вариантах философской антропологии, начиная с работ Ф. Ницше, М. Шелера, Ортеги-и-Гассета и кончая трудами Н. Гартмана, А. Венцля, К. Ясперса, Н.А. Бердяева, Ж.-П. Сартра». И не менее важное: «В этих условиях возникает настоятельная потребность в ПОЗИТИВНОМ ответе на вопросы, выдвигаемые развитием науки в ее связи с человеком, с решением гуманистических проблем. Такой ответ возможен, однако, и как КРИТИЧЕСКОЕ преодоление односторонних концепций дегуманизации науки и культа человека, как преодоление, «снятие» альтернативы сциентизма и антропологизма. Это достигается в рамках марксистской теории науки и гуманизма в их единстве»²⁶. Именно в качестве конструктивного преодоления ложной, с их точки зрения, методологической альтернативы «позитивистский редукционизм или спекулятивно-метафизический антропологизм» и Э. Фромм, и И.Т. Фролов и предлагают идею создания новой единой науки о человеке. Как писал Э. Фромм еще в работе «Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии», «такая постановка вопроса выходит за рамки того, что называется «психологией». Ее скорее следовало бы назвать «наукой о человеке», дисциплиной, имеющей дело с данными истории, социологии, психологии, теологии, мифологии, физиологии, экономики и искусства, поскольку они относятся к пониманию человека»²⁷. То же и И.Т. Фролов: «Речь идет об антропологии в широком смысле слова, включающей философские и социологические аспекты, но отнюдь не о существующих сегодня вариантах философской антропологии, противопоставляемой, как правило, отдельным наукам. Философия и социология человека только тогда что-нибудь стоят, когда они развиваются в связи со специальными исследованиями (медицинскими, генетическими, психофизиологическими, демографическими, этическими и другими), как часть общей науки о человеке и без претензии на особое «иерархически доминирующее» положение в ней. Конечной целью этого процесса является СОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ (выделено автором. – В.Б.)»²⁸.

Здесь хотелось бы особо подчеркнуть, что создание единой науки о человеке истолковывается Э. Фроммом и И.Т. Фроловым как веление времени и ставится ими как важнейшая теоретическая и практическая задача всего предвидимого будущего. Ни у того, ни у другого нет ни малейшей претензии на то, что кто-то из них такую науку уже создал или хотя бы заложил ее основы. Хотя, разумеется, и тот, и другой предпринимали усилия в этом направлении, заходя к этой проблеме с разных сторон, выделяя ее различные аспекты и формулируя какие-то положения, которые можно было бы рассматривать как возможные «кирпичики» или, как сейчас модно выражаться, различные «модули» такой будущей единой науки. В свете всего вышесказанного вряд ли вызовет удивление, что эти модули во многом едины, а часто даже и выражаются в одних и тех же терминах и словесных формулировках. Так, и тот, и другой, вырабатывая свою общую позицию в понимании природы человека, решительно не приемлют ни крайностей чистого биологизма, ни крайностей чистого социологизма, квалифицируя свой подход к трактовке природы человека как биосоциальный. И тот, и другой не приемлют также ни абсолютистско-субстанциалистских трактовок природы человека, ни сугубо релятивистских, столь популярных в середине XX века, квалифицируя свою позицию как историзм. И тот, и другой как на важнейший источник для выработки подлинно современного научного понятия «природы человека» опирается на работы К. Маркса (особенно раннего) и многое дру-

²⁶ Там же. С. 20.

²⁷ Фромм Э. Психонализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 261.

²⁸ Фролов И.Т. Указ. соч. С. 24.

гое. Более того, и тем, и другим из этих модулей были построены (каждым по-своему) и достаточно целостные и развернутые модели, или, если воспользоваться еще одним модным ныне словом, концепты, человека, которые в их руках послужили надежным инструментом в решении тех теоретических и социально-политических проблем, с которыми сталкивалось их время и которые, я уверен, еще не раз послужат источником вдохновения для будущих поколений исследователей проблемы человека. Конечно, Э. Фромм, имея возможность с самого начала творить в этой области свободно и открыто и посвятив этой деятельности намного больше времени, чем И.Т. Фролов, продвинулся в этом отношении (особенно в части построения разработанной типологии человеческих характеров) значительно дальше. Но, повторяю, ни один из них не претендовал на то, что создал науку о человеке. Это ставилось ими как задача, выполняемая лишь коллективными усилиями философов и ученых, причем, возможно, не одного поколения. И этот лейтмотив будущего от работы к работе только усиливался. Я уже приводил выше цитату из работы Фромма «Революция надежды». Эта работа вышла в 1968 году. Но к этой мысли, усиливая ее и добавляя к ней новые обертоны, он возвращается и в работе «Анатомия человеческой деструктивности» (1973). В главе, посвященной проблеме взаимоотношения, как он пишет, «между психологией – наукой о душе и нейрофизиологией – наукой о нервной системе», имеется специально выделенное в сноску пояснение: «Не только неврология и физиология должны объединиться, когда речь идет о таком сложном «предмете», как ЧЕЛОВЕК; необходима интеграция многих других областей знания, таких, как палеонтология, антропология, история, история религии, биология, физиология и генетика. Если мы хотим создать НАУКУ О ЧЕЛОВЕКЕ, то нас интересует человек как целостное и с биологической, и с исторической точки зрения существо, понять которое можно, только исходя из запутанности и переплетенности всех этих аспектов, сознавая, что это существо постоянно развивается и процесс его развития протекает внутри сложной системы, имеющей многочисленные подсистемы»²⁹

²⁹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 90.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.